

Аполлон Александрович Григорьев

Великий трагик

Аполлон Григорьев

Великий трагик

«Public Domain»

1859

Григорьев А. А.

Великий трагик / А. А. Григорьев — «Public Domain», 1859

В очерке «Великий трагик» описывается впечатление от игры выдающегося итальянского артиста Сальвини, который в середине XIX в. был еще мало известным.

© Григорьев А. А., 1859

© Public Domain, 1859

Содержание

Рассказ из книги «Одиссея о последнем романтике»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Аполлон Григорьев

Великий трагик

Рассказ из книги «Одиссея о последнем романтике»

В мирном и славном городе Флоренске, как зовет его Лихачев,¹ посол царя Алексея Михайловича к Дуку Фердинандусу, – я жил в одной из самых темных его улиц... или нет, не улиц. Улица – это *via*, *via*, например, *Ghibellina*, *via* Кальцайола, а я жил в Борго, в *Borgo Sant-Apostoli*, т. е. в улице, состоявшей из нескольких улиц, перерываемых множеством узеньких, маленьких, грязненьких *кьяссо*,² которые были отдушинами Борго на Лунгарно, т. е. на набережную Арно. Отдушины эти – нельзя сказать чтобы отличались благовонием, тем более что в них вы не встретили бы ни разу обычной надписи: *Si il nome christiano portate*³ и т. д. Нельзя сказать также, чтобы *кьяссо* отличались особенными изяществом и роскошью. Из них под вечер выскакивают обыкновенно на Лунгарно или оборванные синьоры «с чужим ребенком на руках»⁴ и с припевом, действующим ужасно на человеческие нервы, если только эти нервы не канаты или не укреплены какой-нибудь крепко всаженной в них теорией – хотя бы теорией, например, английской о вреде безразличной помощи ближним или нашей доморощенной об исключительной помощи соотечественникам. Но теория, как известно, мастерски вьет из человеческих нервов канаты, на которые ничто не действует, даже болезненный, пожалуй, выученный, но лучше сказать, вымученный тон стона синьоры в отребиях,⁵ преследующей вас своим *sono fame, signer, sono fame*⁶ от Понте-Веккио до Понте делла Тринита и гораздо далее, нагло – но как-то жалко-нагло цепляющейся вам за рукав, поспевающей за вами, как бы вы ни ускоряли ваши шаги. Не могу также добросовестно сказать, чтобы *кьяссо* были замечательны относительно целомудрия их обитателей. *Pst, pst* – этот призывный клич слышится вам из окон почти во всякое время дня и ночи и, право, едва ли не болезненней *Jo sono fame* действует на вас, особенно когда вы только что вышли из галереи *Уффици* или шли из-за Ольтр-Арно,⁷ из палатцо Питти, где женственная красота и чистота столь бесконечно разнообразными идеалами наполняли вашу душу, так уверили вас в своем бытии, такие гармонические ответы дали на ваши вопросы.

А задние окна моей комнаты, как нарочно, выходили на один из таких *кьяссо*, и я мог всегда, когда только захочу, иметь перед глазами отрицательную поверку идеалов.

Был апрель. Итальянская весна дышала всем, чем ей дано дышать и целыми стенами роз по стенам садов в городе и по дорогам за горе дом, и блестящей совсем молоденькой, разноотливистой зеленью в Кашинах, и целыми роями ночных светляков в траве, скачущих, летающих, кружащихся перед вашими глазами, как маленькие огненные *эльфы*. Была весна... но, впрочем, что я говорю – была, лучше сказать – стала весна, основательно утвердилась, потому что еще и прежде в конце февраля, в начале марта, она вдруг, неожиданно высывала иным

¹ Г. неоднократно ссылался в своих статьях на «Статейный список посольства... Василья Лихачева во Флоренцию в 7167 (1659) году», где содержится характерное для мышления человек допетровской Руси отношение к Западной Европе (см. например: *Лит. критика*, с. 170–171). «Статейный список...» издан: «Древняя российская вивлиофика» ч. IV, 1788.

² *Кьяссо* – маленькая улочка (*итал. chiasso*).

³ Если вы носите христианское имя (*итал.*). Начало стандартного объявления о запрещении использовать укромные уголки.

⁴ Последняя строка из стихотворения Б. А. Баратынского «Подражателям» (1830).

⁵ Г. неверно употребил это слово, на самом деле означающее не ветхую одежду (отрепье), а сор, мякину после теребления.

⁶ я голодна, синьор, я голодна (*итал.*).

⁷ *Ольтр-Арно* – часть Флоренции за рекой Арно; там находится картинная галерея Питти.

утром из-за травки, из-за листьев деревьев свою светленькую кудрявую головку и вдруг обдала вас жгучим пламенным взглядом. Не шутя я помню совсем весенний, дышащий росой и свежестью вечер в один из первых дней великого поста и совсем весеннее, сияющее, обдающее жаром утро с палящими лучами солнца, нагревшими ожидавшую меня у Сан-Донатской церкви карету. Итак, весна стала...

Толковать о том, какое тревожное, немного страстное, немного тоскливое чувство развивается в душе северного человека весна, – будет, кажется, совершенно излишне; на тысячу ладов и всегда разнообразно пересказывали нам об этом странном чувстве наши поэты, особенно трое из них.⁸ Лучше их мне не сказать – смешные бы это были претензии повторять ими сказанное, сводить в новую мозаическую картинку помеченные ими черты, уловленные ими оттенки, одним словом, сочиняя по печатным источникам физиологию весенних чувств... – это повело б нас бог знает как далеко, в целую этюду, а таковой мне писать в настоящую минуту не хочется. Скажу вам только то, что сам особенно почувствовал. Иногда мне казалось, что либо наша весна лучше, или мы, северные люди, глубже чувствуем. А в сущности ни то ни другое. Наша весна приходит резче, приходит с тальми ручьями, возбуждая больше ожиданий, сильнее раздражает нервы, изменяя радикально все природы, обращая ее из белой в зеленую, из сжатой и суровой в растаявшую, распускающуюся, сильнее и тревожнее дышащую всеми порами после долгого усыпления под снежным саваном. Одним словом – вот поневоле обратись к любимым поэтам – весной у нас

Еще лежит, белеясь средь полей,
Последний снег и постепенно тает,⁹

и оттого-то таким криком радости, ликования приветствуем мы ее:

Весна идет! Весна идет!¹⁰

и оттого-то:

Какой-то странной жаждою
Невольно грудь полна,
И над душою каждою
Проносится весна...¹¹

Да, «май вылетает к нам» из «царства вьюг и снега».¹² Мы его ценим, мы ценим весну как гостя, – а в Италии она вечный жилец, только притаивающийся на время. Весна в Италии, как шалун мальчик, которого поставили в угол: нет-нет– да вдруг и выкинет он гримасу, в которой проглянет самая безнадежная неисправимость, самая неистовая жажда жизни. Зимой я часто дрог благодаря безобразию каминов, ибо до печей итальянцы, по милой распушенности своей, не дошли, да и никогда не дойдут, несмотря на многократные опыты холодов до замерзания маленьких ручьев; мужчины греются в кофейных, а женщины... но зачем женщины копят себя проклятыми жаровнями? Кабы вы знали, как это неприятно, особенно принимая во внимание прирожденную неопрятность всякой синьоры и синьорины!!.. Итак, зимою

---

⁸ Судя по следующим ниже цитатам, Г имеет в виду Н. П. Огарева, Ф. И. Тютчева, А. А. Фета.

⁹ Начало стихотворения Огарева «Весна» (1842).

¹⁰ Строка из стихотворения Тютчева «Весенние воды» (1830).

¹¹ Неточная цитата из стихотворения Фета «Уж верба вся пушистая...» (1844): Г. соединяет несколько редакций.

¹² Неточная цитата из стихотворения Фета «Еще майская ночь» (1857); в подлиннике: ... из царства вьюг и снега Как свеж и чист твой вылетает май!

бывало страшно холодно... Выйдешь продроглый на Лунгарно, на солнце – лучи его сияют повесенному и поневоле долой верхнее платье... Сошед с Лунгарно, углубишься немного в эти узкие улицы, с их мрачными и сырыми каменными комодами и сундуками, носящими название домов, – и опять дрожишь до нового пространства, до нового просвета ярких, всегда весенних лучей солнца... Я помню, раз в самом разгаре зимы вздумалось мне ехать в Сиенну; только что вышел я за городские ворота, на пространство между зданием железной дороги и *Кашинами*... всякая зима исчезла у меня из глаз и помышлений. Налево зелень *Кашии*, – толпы легко одетых женщин пешком, экипажи с дамами, которые только из явного кокетства набросили на плеча опушенные мехом или даже вовсе не опушенные мантильи... Солнце жжет – а это было в конце января. Мои читатели, не бывавшие в Италии, подумают, что я им сказки сказываю?... Не так ли?

Но мое путешествие в Сиенну обращает меня к предмету моего рассказа... Дело в том, что с начала апреля я особенно хандрил – не только что вследствие влияния весны на нервы, но потому еще, что был один. Приятель мой Иван Иванович тоже уехал в Сиенну после святой недели. Другой мой приятель, несмотря на свое богатырское сложение, раскис до противности от тоски по отъезде любимого предмета и при каждом свидании терзал меня – Господи! что *влюбление* может сделать даже из умного и порядочного человека – маниловскими мечтами о мечте семейных радостей... и замучил совсем, заставляя раз по пяти при свидании аккомпанировать себе, когда он с искренним неистовством пел что-то такое из опер Доницетти, в чем беспрерывно звучали слова: «*Vedi im angelo, un angelo in Ciel*»¹³ – это что-то было, коли хотите, вещь прелестная, равно как и одна весенняя серенада, сочинение флорентийского маэстро, аббата *Федериги* (аббаты там нередко композиторы весьма страстные, по старой памяти), – и пел все это мой друг так хорошо, как поют соловьи в весеннюю пору, но от повторения все это приелось... Я жаждал Ивана Ивановича с его эксцентрическими движениями, едкой хандрой, «метеорскими» выходками и тонкими замечаниями – даже с его цинизмом, наконец, с его дикими, противными «*загулами*».

Я заметил вообще, что мы особенно жаждем того, что или скоро нам дается, или уж вовсе никогда не дастся, так что наша жажда есть или простое чутье собаки на трюфли,¹⁴ или неутомная работа червя, подтачивающего и без того уже гнилое дерево.

Иван Иванович дался мне очень скоро – стало быть, жажда моя была чутье пса.

В один прекрасный день – употребляя это казенное выражение вовсе не в казенном его смысле, ибо день в самом деле был прекрасный, – отобедавши в ближайшей от меня траттории¹⁵ *delle antiche Carozze*, я решительно не знал, что с собою делать до самого вечера, когда я мох идти к одной прелестной до самых зрелых лет и впечатлительной – вероятно, до самой дряхлости – женщине;¹⁶ и такие экземпляры, надобно заметить, встречаются только между северными женщинами: да и туда как-то против обыкновения не манило. Разговор наш с нею принимал всегда такое серьезное, почти суровое направление, так искренно касался глубоких вопросов души и жизни, что мне не хотелось серьезного разговора – мной владели лень и апатия, из которой может вывести душу только новое впечатление, а уж никаким образом не анализ. Правда – и честь за это женщинам вообще, честь глубине и мягкости женской природы – мне случалось выносить из бесед с моей доброй соотечественницей чувство светлое, примиряющее; но в самом светлом чувстве было что-то унылое, как свет сумерек, что-то похожее на

¹³ «Я видел ангела, ангела в небесах» (*итал.*).

¹⁴ *Трюфли* – вид грибов.

¹⁵ *Траттория* – трактир.

¹⁶ ...*прелестной... женщине...* – Вероятно, имеется в виду Варвара Александровна Ольхина, жена адвоката А. А. Ольхина. И. С. Тургенев в письме к В. П. Боткину от 15 – 25 марта 1858 г. из Флоренции советует адресату познакомиться через Григорьева «с г-жею Ольхиной; прекрасная женщина» (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. Письма, т. 3. М.-Л., 1961, с. 203–204.*)

затихшую боль, на усталое и готовое за что угодно ухватиться сомнение. Такого впечатления я не хотел – да и, во всяком случае, его надобно было ожидать до вечера, а было еще только четыре часа. Идти в монастырь Сан-Марко и отдаться всей душой великой религиозной поэме фресков *Беато* Анджелико... Для этого надобно было быть способным хоть на минуту переселиться сердцем в ее пролог, в страстное упоение страдания, с которым его Доминик судорожно обнимает крест Распятого, – а способность переселяться в подобные миры

Лишь в лучшие мгновенья
Бытия слетает к нам...¹⁷

как сказал наш Беато Анджелико, Жуковский.

...Когда я вошел в свою комнату, куда решил вернуться на время, она, с ее холодным мрамором каминов, окон и столов – в Италии нипочем ведь мрамор; вы его часто встретите там, где уж никак не ожидаете, – показалась мне еще унылее, еще серее, в противоположности с тем ярким весенним светом, который заливал половину площади del gran Duca. Бессмысленно прислонился я к окну и бессмысленно стал глядеть на мрачную и узкую улицу; явления были все известные: *santo padre*¹⁸ с кружкой и с закрытым лицом, немного покачиваясь справа налево, тянул с сильным горловым акцентом однообразную *литанию*,¹⁹ испрашивая подаяния бедным, разносчик безжалостно-звонко, всей ужасной полнотою итальянского грудного крика орал: «*Carciofi, carciofi*».²⁰ Проревел, наконец, трижды и ослик под грузом какой-то тяжести; прошли, громко рассуждая и размахивая руками, трое тосканских солдат, да какая-то растрепанная синьора густыми контральтовыми нотами обругала – или, как говорится у нас в Москве, обложила куплетами – засаленного и босого на одну ногу мальчишку... Во всех этих звуках было что-то такое полное и сильное, что бывает подчас совершенно *непереносно*

---

¹⁷ Неточная цитата из стихотворения В. А. Жуковского «Лалла Рук» (1821): в подлиннике вместо «лучшие» – «чистые», вместо «слетает» – «бывает».

¹⁸ святой отец, монах (*итал.*).

¹⁹ *Литания* – молитва у католиков.

²⁰ «Артишоки, артишоки!» (*итал.*).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.